

18+ ВИТАЛИЯ НЕДБАЙ

АДВОКАТ

для

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО,

или мой сын — ЗАКЛАДЧИК!

Виталия Недбай

**Адвокат для
несовершеннолетнего,
или Мой сын — закладчик**

«Издательские решения»

Недбай В.

Адвокат для несовершеннолетнего, или Мой сын — закладчик /
В. Недбай — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Две
тысячи осужденных детей в год, средний срок 5 лет и менее 1%
оправдательных приговоров. За сухой статистикой — разрушенные судьбы.
Книга «Мой сын — закладчик» — это личная история юриста, чей 16-летний
сын поднял закладку. Автор шаг за шагом восстанавливает путь, который
прошла ее семья от задержания до приговора. Это одновременно и глубокая
психологическая драма, и жесткий юридический разбор суровой реальности,
с которой может столкнуться любая российская семья.

© Недбай В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Коридор	7
Глава 2. Кто я	10
Глава 3. Разрыв	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Адвокат для несовершеннолетнего, или Мой сын — закладчик

Виталия Недбай

Редактор Марта Шарлай

Корректор Ксения Гулькова

© Виталия Недбай, 2026

ISBN 978-5-0071-0855-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ночь. Свет в детской приглушен до едва заметного мерцания — крошечный ночник в форме полумесяца, тот самый, что мы выбирали всей семьей еще до его рождения. Рафаил спит, раскинув руки, как морская звезда. Дышит ровно и тихо — так дышат только младенцы, еще не знающие тревоги. Губы чуть приоткрыты, ресницы подрагивают во сне. Мой пятый ребенок. Мой мальчик, названный в честь архангела-исцелителя.

Я сижу у кровати на низком пуфе и просто смотрю на него. За окном — густая зимняя темнота. Часы показывают начало третьего. Весь дом спит. А я не могу. Я смотрю на Рафаила и думаю о том, что однажды он спросит про старшего брата. Спросит — потому что дети всегда спрашивают. Потому что правда имеет свойство прорастать сквозь любую почву. И я должна буду ответить.

Я люблю тебя. Я люблю каждого из моих детей — любовью, которая не делится на части, а умножается с каждым новым сердцем. Станислав — мое место детства. Владимир — владеющий миром. София — нерушимая святыня. Микаил — архангел-защитник. И ты, Рафаил, — исцеление. Пятеро. Пять имен. Пять жизней, за которые я отвечаю перед Богом и перед собой.

Я свято верю в благополучие каждого из вас. В милость Господа, который пощадил твоего брата и мое материнское сердце. Который дал нам время. Который оставил Вову дома, а не отправил туда, откуда не возвращаются прежними.

Но одной веры мало.

Я должна рассказать всё как было. Чтобы ты, Рафаил, когда вырастешь, понял. Чтобы другие матери, читающие эти строки, проснулись раньше, чем я. Чтобы они не сидели в коридоре полиции на девятом месяце, сползая спиной по холодной стене. Чтобы не стояли под снегом с дождем у дверей экспертизы с младенцем на руках. Чтобы не узнали, каково это — закрывать папку с правдой и выбирать свободу вместо справедливости.

Вове было шестнадцать лет и шесть дней, когда его жизнь разделилась на «до» и «после». Шестнадцать — еще ребенок: угловатый, нескладный, с ломающимся голосом и мечтами о красивой жизни. Но для закона — уже взрослый. Уже субъект. Уже можно судить по-настоящему.

Я пишу эту книгу, чтобы «после» не стало концом. Ни для него. Ни для меня. Ни для кого.

Справедливость и закон — не одно и то же. Я знала это как адвокат задолго до февраля 2025 года. Но одно дело — знать умом, и совсем другое — почувствовать кожей, когда система смотрит на твоего ребенка и видит не мальчика, а статью Уголовного кодекса.

Я протягиваю руку и поправляю одеяло. Рафаил вздыхает во сне и переворачивается на бок. Завтра он проснется и улыбнется мне своей беззубой улыбкой. Завтра будет новый день. А сегодня я начинаю рассказ, который должна рассказать.

Глава 1. Коридор

Калужское шоссе, конец февраля. Сумерки.

Этот час — самый опасный на дороге. Солнце уже село, фонари еще не зажглись, мир вокруг становится серым и плоским. Я еду на автомате — двадцать лет за рулем, маршрут знаком до каждого поворота. Мобильный лежит на пассажирском сиденье экраном вверх.

Звонок.

Имя «Вова» на экране.

Я выдыхаю — шумно, с присвистом, как будто до этого не дышала несколько часов. Жив. Голос в трубке сбивчивый, я разбираю только обрывки: полиция, адрес, приезжай. Я не спрашиваю, что случилось. Авария? Машина? Глупость? Сейчас не важно.

— Еду.

Здание отдела полиции встречает мертвенным светом люминесцентных ламп. Такой свет бывает только в больницах и полицейских участках — он не просто освещает, он будто просвечивает насквозь. В дежурной части пахнет хлоркой, сыростью и казенным мылом. За стеклянным окошком сидит уставший дежурный с серым лицом человека, который видел слишком много и уже ничему не удивляется.

— Мой сын доставлен. Как мне его увидеть?

Меня пропускают. Лестница. Ступени стертые, с выбоинами — тысячи ног прошли здесь до меня. Поднимаюсь. Навстречу выходит девушка в форме — оперативник. Светлые волосы собраны в хвост, глаза усталые, но цепкие. Я обращаюсь к ней быстро, уверенно, как привыкла за годы практики:

— Давайте быстренько разберемся, и мы поедem. В чем дело?

Она смотрит на меня — и в этом взгляде что-то такое, отчего у меня холодеет внутри.

— Вы здесь надолго.

С этого слова время останавливается. Я слышу, как где-то гудит лампа. Как за стеной кто-то смеется — чужим, нервным смехом. Как бьется мое сердце — медленно, гулко, тяжело.

— Ваш сын находится в отделе по подозрению в сбыте. При нем обнаружено тридцать закладок.

Тридцать.

Это слово падает и разбивается, как стеклянный шар. Не одна. Не «для себя», не «случайно нашел». Тридцать свертков. Тридцать маленьких пакетиков, каждый из которых — это статья, это срок, это жизнь, которая никогда не будет прежней.

Я знала: в российском правосудии количество имеет значение. Один сверток могут посчитать хранением. Тридцать — почти гарантированный сбыт. Следовательно не будет разбираться, собирався ли ты продавать или просто хранил. Ему нужен результат. Ему нужна галочка. Тридцать свертков — отличная галочка. Я знала это все шестнадцать лет своей практики. И теперь эти знания душили меня.

Мне объясняют детали. Его задержали в такси. Сотрудники ГАИ остановили машину — обычная проверка документов. Вова — пассажир на заднем сиденье. Ему задали формальный вопрос: «Есть ли что-то запрещенное?» И он ответил: «Да». Просто взял и сказал «да». С ним был друг Хас, но закладку Вова поднимал один — Хас стоял в стороне. Они сели в такси и тут же были остановлены. Словно кто-то вел их — от свертка до патрульной машины — по идеально прямой линии, без единого шанса свернуть.

Позже из материалов дела я узнаю: предложение поднять закладку пришло Вове в телеграм. Некто с ником «Лыжник» написал: «Желаешь развлечься или заработать?» Вова ответил: «Желаю развлечься». Не заработать. Развлечься. Он пошел туда за адреналином, как идут на квест или в тир. И это, пожалуй, самое страшное.

У Вовы изъяли телефон. И здесь — первая крошечная зацепка, тонкая нить, за которую я буду цепляться все следующие девять месяцев: телефон оказался чист. Ни фото закладок, ни локаций, ни переписок с кураторами. Ничего, что могло бы свидетельствовать о систематическом сбыте. Пустой телефон.

Я знала: чистый телефон — это почти аномалия в делах о закладках. Обычно следователи находят переписки, фото, геолокации. У Вовы не нашли ничего. Это могло стать доказательством того, что он не сбытчик, а случайность. Но я знала и другое: систему не интересует то, чего нет. Ее интересует то, что есть. Тридцать свертков.

Но тогда, в коридоре, я этого еще не знаю.

Я стою, привалившись плечом к стене. Живот тяжелый — девятый месяц беременности. Рафаил внутри меня, еще не рожденный, еще не знающий, в какой мир он придет. Я чувствую, как он толкается — кажется, он тоже чувствует мой страх.

Меня ведут к Вове.

Он сидит в комнате для допросов. Пластиковый стул, стол с облупившимся краем, тусклая лампа под потолком. Увидел меня. И я вижу его лицо. Странное дело — оно не испуганное. Оно в каком-то нездешнем, почти приподнятом настроении. Глаза блестят. В углах губ — тень улыбки. Бравлада. Я слишком хорошо знаю это выражение. Я видела его десятки раз — у чужих детей, в чужих делах. Так выглядит подросток, который еще не осознал, что игра закончилась. Его мозг еще там — в парке, в такси, в том мире, где всё было приключением.

— Ну я дурак.

И в этом «ну я дурак» — всё. Вся его оценка ситуации. Не тридцать закладок. Не сбыт. Не статья. «Ну я дурак». Как будто двойку в школе получил. Как будто мячом в окно попал.

Мои ноги подкашиваются. Я сползаю по холодной стене. Медленно-медленно, как в замедленной съемке. Я не кричу, не бью его. Я плачу. Тихо. И одновременно набираю номер.

— Анна. Приезжай. Срочно. Вова задержан.

Анна — моя приятельница. Мы дружим много лет. Она знает Вову с детства, помнит его еще карапузом с выпавшим передним зубом. И она — адвокат. Женщина с железной хваткой и спокойным голосом, который умеет возвращать меня в реальность даже в самые страшные минуты. Она не задает лишних вопросов. Только: «Адрес». Я называю. Она говорит: «Выезжаю». И в этом «выезжаю» — первая твердая почва под ногами за весь этот бесконечный вечер.

Допрос. Анна приезжает быстро — в плаще, с тяжелым портфелем, сосредоточенная и строгая. Она коротко обнимает меня, заглядывает в глаза: «Держись». Я на допросе рядом с Вовой — как законный представитель. Держу его за руку под столом. Чувствую, как подрагивают его пальцы. Он молчит, но я знаю: он рад, что я здесь. Анна задает вопросы — точные, как скальпель. Я сжимаю Вовину ладонь: «Отвечай. Не бойся».

Законный представитель — это статус, который получает родитель несовершеннолетнего подозреваемого. Я имела право присутствовать на всех следственных действиях, задавать вопросы, подписывать протоколы. Но я не имела права быть адвокатом собственного сына. Закон это запрещает. Я знала это с первого курса юридического факультета. Я могла только держать его за руку.

Около двух часов ночи я уезжаю домой. Одна. Без него.

Я еду по пустой Москве. Ночной город равнодушен — огни витрин, редкие машины, светофоры мигают желтым. Я держу руль и не знаю, к чему готовиться. Как он будет в СИЗО? Что мне делать завтра? Где я ошиблась? Вопросы стучат в голове, и ни на один нет ответа. Я как будто хороню его — нет, не его самого. Его детство. И ту себя — ту мать, которая думала, что уж с ее-то сыном, с ее Вовой, с ее «булочкой» такого не случится никогда.

Слезы. Много слез. Я не вытираю их — они текут сами, капают на руль, на колени, на живот.

Дома пусто. Я прохожу в его комнату, сажусь на кровать. На спинке стула висит его толстовка. На столе — недопитая кружка чая. Пахнет им. Я беру толстовку, прижимаю к лицу и плачу так, как не плакала никогда в жизни.

В девять утра я уже в Следственном комитете. Анна рядом. Я снова рядом с Вовой — законный представитель, мать, адвокат по жизни, если не по букве. Снова допросы. Очные ставки с Хасом. Я смотрю на этого мальчика — темные волосы, бегающие глаза, руки в карманах — и не чувствую ничего. Пустота. Он что-то говорит, запинается, путается в показаниях. Анна задает вопросы — точные, как скальпель. Я держу Вову за руку.

Домой я забираю его только на второй день. Он выходит ко мне — осунувшийся, бледный, с темными кругами под глазами. От него пахнет чем-то чужим — казенным мылом, чужими помещениями. Маска бравады еще держится, но уже трещит по швам.

— Вова, сыночек, как же так? Зачем? Почему?

Он молчит. Я задаю вопросы — и не получаю ни одного ответа.

Мера пресечения — подписка о невыезде. Нас отпускают домой.

Мы садимся в машину. Я завожу мотор. Вова смотрит в окно. Утро серое, моросит дождь. Дворники размазывают капли по стеклу — вжух, вжух, вжух.

С этого дня начинается другая жизнь.

Я не знала тогда, что самое трудное начнется не в полиции. Самое трудное начнется дома.

Я сидел в этой комнате и смотрел на маму. Она сползала по стене, а я не мог понять, что такого страшного случилось. Ну закладки, ну тридцать штук. Мне казалось — сейчас разберутся и отпустят. Я же не убил никого. Я же просто взял сверток в парке. Мам, прости. Я тогда еще не понимал.

Глава 2. Кто я

Прежде чем идти дальше, я должна рассказать, кто я. Потому что эта история — не только про Вову. Она про меня. Про то, как я стала той, кто я есть, и как сама судьба подготовила меня к этому испытанию — задолго до февраля 2025 года.

Мой дядя — мамин брат, мой крестный — был адвокатом. В советское время это звучало почти как «диссидент». Он защищал людей, когда сама идея защиты от государства казалась подозрительной. Я помню его кабинет: тяжелые шторы, книжные шкафы до потолка, запах старых книг и одеколона. Он сажал меня, десятилетнюю, в кресло напротив и рассказывал о судах. Не о статьях и параграфах — о людях. О том, как важно слышать. Как важно не судить. Как важно помнить: за каждым делом стоит живой человек.

Я мечтала стать адвокатом с пятого класса. Не учителем, не врачом, не космонавтом — адвокатом. И я очень долго к этому шла. Юридический факультет, потом стажировка, потом годы работы помощником — я грызла этот путь зубами, потому что знала: другого не хочу.

Статус адвоката я получила в двадцать семь лет. Помню тот день: я вышла из здания палаты с удостоверением в руках, и мне казалось, что весь мир теперь у моих ног. К моменту событий этой книги я была в профессии уже шестнадцать лет. Шестнадцать лет я защищала чужих детей. Шестнадцать лет я говорила матерям: «Главное — жив, уберегли от худшего». Я не знала тогда, что однажды скажу эти слова самой себе.

После развода с Денисом я осталась одна с двумя детьми на руках. Нужно было выживать. Нужно было кормить, одевать, доказывать — себе, бывшему мужу, всему миру, — что я справлюсь. И я справлялась.

К сорока годам у меня было пятеро детей, своя практика и стойкое ощущение, что я могу всё. Я была той самой женщиной, про которых говорят: «Она сильная». Я и сама в это верила. До февраля 2025 года.

Теперь я знаю: сила — это не когда ты стоишь на ногах. Сила — это когда ты сползаешь по стене, но продолжаешь набирать номер адвоката.

За годы практики я видела десятки матерей, которые сидели в коридорах судов и Следственных комитетов. У них были разные лица, разные истории, разный достаток. Но было одно общее — выражение глаз. Смесь ужаса, непонимания и надежды. Я давала им профессиональные советы. Я говорила: «Главное — не паниковать». Теперь я знаю: эти слова не работают. Паника — это нормально. Страх — это нормально. Ненормально — оставаться в этом одной.

Глава 3. Разрыв

13 февраля

Ему исполнилось шестнадцать. Шестнадцать лет и ноль дней. В юридическом смысле — всё, взрослый. Для меня — всё еще мальчик, который когда-то умещался у меня на ладони.

Я заказала торт — два яруса, с миньонами. Вова их обожал с детства — эти желтые смешные человечки в синих комбинезонах, с круглыми глазами и вечной суетой. Кондитер постаралась на славу: миньоны получились как живые, с крошечными очками и улыбками до ушей.

Когда он вошел на кухню и увидел торт, он замер. Просто замер, опустив руки. Глаза распахнулись. А потом по лицу медленно разлилась улыбка — та самая, детская, которую я не видела уже год или два. В последнее время он чаще хмурился, отводил взгляд, прятал лицо в телефоне. А тут стоял и улыбался, как маленький.

— Мам, это же миньоны! Круто!

И в этом «круто» было всё. Мостик в детство. В тот мир, где он еще мой маленький Вова, моя булочка, мой капризный, болезненный, веселый мальчик. Где нет еще ни Серго, ни Хаса, ни такси, ни тридцати свертков. Где есть только свечи, кремовые миньоны и мамины руки.

Мы праздновали дома, всей семьей. Я зажгла свечи — шестнадцать штук, тонких, разноцветных, восковых. Они горели неровно, подрагивали от малейшего движения воздуха. Вова наклонился, набрал в грудь воздуха и задул их все с одного выдоха.

— Что загадал?

— Не скажу. А то не сбудется.

Он засмеялся. Я смотрела на него и думала: он вырос. Красивый, высокий, добрый. Трудный — да. Но наш. Семья вместе, все живы, все здоровы. Абсолютное счастье. Вот оно, в этой комнате, в этом торте, в этом смехе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.